

— Нравится? — спросил Мо Цзиньхань.

Юноша рядом с ним, прошедший закалку временем, уже утратил былую детскую непосредственность и наивность, но его лицо всё ещё хранило отпечаток юности, а взгляд оставался ясным и чистым.

Теперь Жуань Вэньюй плакал редко и больше не льнул к нему, ласково называя братом. В отличие от большинства парней, чья юность была шумной и яркой, его взросление проходило в крайне противоречивом состоянии. Он не желал делиться своими истинными мыслями и не хотел ни с кем сблизиться — и в число этих «других» входил и сам Мо Цзиньхань. Единственным, что в те времена хоть как-то выдавало их близость, оставались ночи, когда они спали в одной постели.

Работы по сносу всего цокольного этажа и превращению его в музыкальную комнату, а также заказ уникального рояля ручной работы с безупречным звучанием и редкими комплектующими, заняли уйму времени. Прошло три года, прежде чем всё было готово и в точности соответствовало требованиям Мо Цзиньханя.

Эти три года выдались для него самого крайне напряженными: он был занят учебой, скрывался от слежки госпожи Мо, расширял дело и налаживал связи. Ему приходилось летать за границу чуть ли не через день, задерживаясь там надолго. В те периоды предельного нервного напряжения он многое давал Жуань Вэньюю, но в то же время по-настоящему отдалялся от него.

Мо Цзиньхань понимал, что сам виноват в том, что Жуань Вэньюй перестал тянуться к нему, но тогда его сил хватало лишь на то, чтобы справляться с навалившимися проблемами. Он не мог предусмотреть всего. Под колоссальным давлением Мо Цзиньхань порой терял концентрацию. Чем дальше он продвигался, тем сильнее становилось сопротивление, но отступить было нельзя — ведь за его спиной стоял Жуань Вэньюй.

На тот последний вопрос о том, нравится ли ему подарок, Мо Цзиньхань не получил ответа сразу, но это его не заботило — он прочел ответ в глазах юноши. В тот миг, когда он вышел из коридора, в его взгляде отразилось всё увиденное, и восторг, подобный вспышке звезд в ночной мгле, разлился по его лицу — зрелище настолько поразительное, что его невозможно было забыть. Три года долгого ожидания, дважды переделанный проект цокольного этажа и огромные финансовые затраты обрели смысл лишь в этот момент.

— Спасибо... — прошептал Жуань Вэньюй так тихо, что последние звуки потонули в воздухе, а уши его почему-то снова покраснели.

Весь остаток дня Жуань Вэньюй провел в музыкальной комнате, не выходя наружу. Когда Мо Цзиньхань вернулся после работы, была уже глубокая ночь. И хотя сегодня их не разделяли ни часовые пояса, ни расстояния, им, к несчастью, вновь не представилось случая поговорить.

Он привел себя в порядок и лег в постель. В комнате воцарилась полная тишина. Мо

Цзиньхань, обнимая юношу, уже начал проваливаться в сон, как вдруг ясный, звонкий голос подростка, осторожно пробравшийся в его сознание, заставил его окончательно очнуться:

— Нравится...

Он произнес это так, словно делился сокровенной тайной, прижавшись к самому уху Мо Цзиньханя. Слова звучали невнятно, с легким оттенком нежности, в которой, казалось, было скрыто нечто более глубокое.

Раз нравится, значит, хорошо, — подумал Мо Цзиньхань, не открывая глаз. Его дыхание оставалось ровным, и он не собирался отвечать. Он знал: будь Жуань Вэньюй в здравом уме, он никогда не произнес бы подобных слов. Если он сейчас его спугнет, то в будущем тот не решится сказать это даже украдкой.

Мо Цзиньхань не собирался принуждать Жуань Вэньюя выражать чувства, которые тот не хотел показывать. Он решил, что лучше догадается сам — он ведь так хорошо его знал, что рано или поздно обязательно поймет.

Лишь спустя долгое время, вспоминая тот случай, Мо Цзиньхань осознает, что за тем «спасибо» на самом деле скрывалось слово «брат». Вот почему тогда покраснели его уши.

Он ведь уже давно не называл его так. В последнее время всё чаще звучало лишь «молодой господин». Когда именно начались эти перемены в манере обращения? И не было ли в том «нравится», услышанном той ночью, какого-то невысказанного, намеренно пропущенного продолжения?..

— Господин Мо, рояль настроен, — настройщик осторожно закрыл крышку инструмента и отчитался о замене нескольких деталей.

За роялем регулярно ухаживали, но последние три года на нем никто не играл, и со временем, под влиянием окружающей среды, инструмент неизбежно изнашивался. Убедившись, что больше проблем нет, Мо Цзиньхань велел дяде У оплатить услуги мастера и проводить его.

Это помещение казалось изолированным, но в потолке и углах была продумана вентиляция, а в стенах скрывались потайные двери, ведущие в задний и передний сады. Расположение и углы были выбраны мастерски — стоило открыть двери, как внутрь устремлялись потоки свежего воздуха. Однако этот капризный инструмент был чувствителен к влажности и не переносил прямых солнечных лучей. В дождливые дни приходилось включать специальный режим осушения — стоило роялю потерять чистоту тона и строй, как этот бесценный заказ превратился бы в груды бесполезного дерева.

Мо Цзиньхань приподнял крышку и посмотрел на черно-белые клавиши. Внезапно он подумал, что его маленький бедняжка удивительным образом похож на этот инструмент. Не переносит дождливых дней, не любит яркого солнца, требует самого бережного ухода, иначе потеряет

свою живость и покроется пылью забвения...

Жуань Вэньюй проснулся, но сил по-прежнему не было. Когда он болел, ему не хотелось двигаться, и, не имея энергии ни на что другое, он просто лежал, глядя в потолок. А когда это надоедало, закрывал глаза — если удавалось уснуть, спал, если нет — просто продолжал витать в облаках.

Юй-юй.

Он уже давно не называл его так.

Жуань Вэньюй, обхватив одеяло, прокручивал в голове этот голос, а затем невольно зарылся лицом в подушку Мо Цзиньханя. На самом деле, поначалу Мо Цзиньхань всегда звал его Юй-юй. А вот почему позже перешел на полное имя — об этом следовало спросить самого Жуань Вэньюя.

В период своего подросткового бунта он, видимо, что-то перепутал в голове и решил, что ласковые повторы вроде «Юй-юй» звучат слишком по-детски и совсем не соответствуют его образу крутого, холодного и отстраненного парня.

— Крутого и холодного? — Мо Цзиньхань, подписывавший документы, замер и поднял взгляд на юношу, чье лицо еще хранило детскую припухлость, а черты не успели до конца сформироваться.

— Да! — Жуань Вэньюй серьезно и решительно кивнул. — Поэтому молодой господин больше не должен называть меня Юй-юй. Это совсем не круто, я кажусь маленьким ребенком.

Мо Цзиньхань с интересом подпер подбородок рукой и окинул его взглядом. Четырнадцать лет, полон юношеского максимализма и наивности, слепо стремящийся повзрослеть и казаться крутым — разве он не был еще совсем ребенком?

Документы на столе требовали срочного внимания, но Мо Цзиньхань терпеливо постукивал ручкой по столешнице:

— И как же мне тебя называть? Крутой Юй? Холодный Юй?

— Нет! Крутость — это ощущение, ее нельзя вот так прямо называть. — Жуань Вэньюй покраснел от того, что его дразнили, и поспешно добавил: — Ты должен называть меня по полному имени. Жуань Вэньюй.

Жуань Вэньюй.

Мо Цзиньхань прокрутил это имя в голове несколько раз, но так и не понял, что в нем такого крутого и холодного. Впрочем, ребенок остался доволен, удовлетворенно хмыкнул и выбежал из кабинета.

С тех пор Мо Цзиньхань послушно называл его только по полному имени. А когда Жуань Вэньюй осознал, что погоня за крутостью — это и есть самое настоящее ребячество, было уже поздно что-то менять. Некоторые вещи, если вдуматься в них слишком глубоко, вызывают лишь желание спрятаться от самого себя в прошлом. Жуань Вэньюй много раз хотел попросить его вернуться к прежнему обращению, но не находил в себе сил ворошить эту долгую и неловкую историю, поэтому так и терпел до сих пор.

Телефон на тумбочке внезапно завибрировал. Жуань Вэньюй потянулся к нему, взглянул на экран и быстро нажал на кнопку ответа.

— Жуань! Спустя три года ты наконец-то соизволил вернуться! Почему ты не отвечаешь на мои комментарии в ленте? — раздался на том конце невероятно радостный голос. — Я так скучал, просто безумно скучал!

Жуань Вэньюй слегка приподнял уголки губ:

— М-м.

— Нет, ты слышал? Я тут распинаюсь, как скучал, а ты мне только м-м? Больше ничего не скажешь?

Жуань Вэньюй сдержал улыбку:

— Нет.

<http://bllate.org/book/20910/2114587>